Нужно ли стучаться?

Северус Снегг помедлил лишь секунду, а затем коротким заклинанием Алохомора распахнул дверь чулана.

Столкнувшись с семьей магглов и десятилетним мальчишкой, он не видел нужды поднимать шум. Впрочем, даже если бы он всех разбудил, его бы никто не встретил с распростертыми объятиями — это он понял еще в подростковом возрасте.

Он не понаслышке знал, как сильно это семейство ненавидит магию.

На самом деле сейчас он хотел лишь одного: тихо войти, тихо влить в этого проклятого мальчишку порцию зелья, а затем так же тихо стереть все следы своего присутствия и уйти.

Он не желал, чтобы кто-то узнал, что он здесь был, что он спас так называемого знаменитого Избранного.

Нахмурившись так, что между бровями могла бы застрять муха, Снегг согнулся в три погибели, пробираясь в тесную каморку Гарри Поттера — помещение, в котором взрослому мужчине невозможно было даже выпрямиться в полный рост.

Проклятье, он пришел сюда лишь ради того, чтобы влить в него зелье и убедиться, что Избранный доживет до того момента, когда сможет спасти весь мир. Поэтому он абсолютно точно, совершенно определенно не злился из-за этих ужасных условий, и уж тем более не чувствовал гнева — или жалости — при виде тщедушного тельца мальчика, свернувшегося на кровати, словно больной котенок.

Но когда он, склонившись, коснулся горячего лба ребенка, то не удержался и пробормотал проклятье: всех Дурслей нужно было отправить в Азкабан!

Как они могли, как они смели так обращаться с десятилетним ребенком!

Снегг с суровым видом, но бережными движениями повернул голову мальчика и вытащил пробку из флакона. Он уже собирался влить зелье в рот ребенку, как внезапно понял, что тот не спит.

В тусклом свете, струящемся от волшебной палочки, глубокие черные глаза, подобные обсидиану, встретились с изумрудно-зелеными, напоминающими драгоценные камни.

На мгновение Снегг растерялся.

Но лишь на мгновение.

Суровый мастер зелий умел сохранять выражение лица в духе «вы должны мне тысячу галеонов» независимо от того, о чем он думал, поэтому его легкое замешательство осталось незамеченным.

— Пей. — Раз уж мальчишка очнулся, это избавит его от необходимости самому возиться с кормлением.

Спустя десять с лишним лет Гарри Поттер, вновь увидев это лицо, вызывавшее у него одновременно любовь и ненависть, на мгновение лишился дара речи. Он мог лишь молча смотреть на него, читая в его глазах отвращение и презрение.

Этот человек всю жизнь оберегал его, но в этой защите не было ни капли тепла по отношению к нему самому.

Он защищал лишь сына Лили Поттер. Кем бы ни был этот мальчик, пока он оставался сыном Лили, Снегг был готов отдать за него жизнь.

Тот, кого он защищал, никогда не был Гарри Поттером.

Гарри смотрел в глаза Снеггу и видел, насколько прямо и нескрываемо тот его презирает.

Вспоминая ту детскую лихорадку, длившуюся целую неделю, он всегда думал, что выжил благодаря природной крепости организма волшебника. Он и представить не мог, что это этот человек по ночам тайком вливал в него флакон за флаконом целебных зелий.

Подумав об этом, Гарри невольно улыбнулся.

В прошлый раз он ничего не знал, и у него не было возможности отказаться. Но сейчас он не хотел принимать никакой защиты или подачек.

Это бремя было слишком тяжелым.

Когда люди вокруг него начали один за другим погибать, защищая его, Гарри Поттер вдруг осознал: его жизнь ему уже не принадлежит.

Он слишком многим обязан, а значит, должен идти по пути, который от него ожидают, чтобы вернуть все долги.

Он не хотел быть Избранным, он просто хотел быть обычным Гарри Поттером.

Поэтому сейчас он молча смотрел на мужчину, отвергая его добрые намерения:

— Спасибо, сэр. Но, думаю, мне это не нужно. Я поправлюсь сам.

Тело волшебника отличается от тела маггла. Хотя эта лихорадка была мучительной, даже без зелий магия со временем восстановила бы его организм.

Просто процесс занял бы больше времени и принес бы больше страданий, но для него это было пустяком.

Может, в чем-то другом Гарри Поттер и не был талантлив, но в умении терпеть боль он не уступал никому.

Поэтому, глядя в лицо Северусу Снеггу, от которого исходила пугающая аура, он с трудом, но твердо выразил свою позицию:

— Спасибо, но мне это не нужно.

***

Когда Северус Снегг впервые услышал ответ Гарри Поттера, он подумал, что ослышался.

Этот проклятый мальчишка! Он, снизойдя до того, чтобы приготовить котел чудесного зелья и притащиться среди ночи в это отвратительное логово магглов, желая по доброте душевной вылечить его простуду, услышал в ответ отказ!

Снегг молча поджал губы, источая такую пугающую ауру, что от него в ужасе разбежались бы все обитатели Хогвартса. К несчастью, на мальчишку это не произвело впечатления. Тот лишь моргнул, устало закрыл глаза и прошептал хриплым, слабым голосом:

— Спасибо, сэр. Пожалуйста, заприте дверь, когда будете уходить.

Дурсли запирали дверь снаружи. Если бы он не вернул все как было, завтра утром их ждал бы жуткий скандал. Мерлин, его нынешнее состояние не позволило бы вынести этот визг.

Все, что ему сейчас было нужно — это тишина.

Увы, желанию не суждено было сбыться. В следующую секунду он почувствовал, как рука мужчины сжала его горло, и услышал холодное:

— Открывай рот!

Хотя большинство его зелий имели весьма «специфический» вкус, в этот раз, перед уходом,

Дамблдор особо напомнил, что перед ним ребенок. Поэтому, долго поколебавшись, он все же решил взять зелье, сваренное для его привередливого крестника.

Ох уж этот проклятый клубничный вкус жаропонижающего. Почему дети так любят эту липкую гадость?

Вдыхая разлившийся в воздухе клубничный аромат, Снегг чувствовал себя крайне неловко и при этом был в ярости. Он не встречал мальчишек вреднее Драко, но даже тот маленький «павлин», воспитанный в роскоши, всегда послушно выпивал все зелье до дна, не смея перечить. А этот… он посмел его проигнорировать!

Результатом гнева стала удвоенная суровость Снегга. Если бы сейчас кто-то вошел в комнату, он бы решил, что мастер зелий пытается отравить кого-то, а не спасает умирающего мальчика.

Очевидно, этот мальчишка, чей интеллект был не выше, чем у тролля, думал так же. Он лишь бросил на него взгляд и упрямо сжал губы. Даже когда Снегг насильно поднес флакон к его губам, большая часть зелья пролилась на подушку.

Говорят, дети ненавидят пить лекарства.

Говорят, и в мире магглов, и в мире волшебников напоить ребенка лекарством — задача не из легких.

Говорят…

Снегг нахмурился, вспоминая своего единственного друга — шумного «платинового павлина», который вечно жаловался на то, как трудно лечить их маленького Драко. Он осознал, что эта работа куда сложнее, чем он думал.

Он никогда не заботился о детях. Хотя Драко формально был его крестником, все, что он делал — это бросал на него ледяной взгляд, когда тот болел, и мальчишка послушно выпивал самое мерзкое зелье до дна. Он никогда не думал, что столкнется с ситуацией, когда пациент не идет на контакт.

А что, если выбить ему все зубы? Может, тогда получится влить лекарство?

Глядя на сжавшего челюсти ребенка, Снегг серьезно обдумал этот вариант, но, прикинув время, необходимое на изготовление зелья для отращивания зубов, отбросил эту мысль.

Этот мальчишка не стоил того, чтобы тратить на него столько времени и ингредиентов.

— Если не будешь пить зелье, я… — Снегг с трудом начал фразу, но не знал, чем её закончить.

Он видел, как Люциус угрожал Драко, но повторять это казалось слишком унизительным.

Да и не было у него ничего, чем он мог бы пригрозить этому мальчишке.

Если не выпьешь зелье, я скормлю тебя Дементорам?

Смешно!

К тому же этот ребенок, выросший в мире магглов, понятия не имел, кто такие Дементоры.

Исходя из опыта прошлой жизни, Гарри думал, что Снегг, питающий к нему такую неприязнь, уйдет после первого же отказа. Но тот оказался на удивление упрямым — или, вернее, настойчивым.

— Уходите, пожалуйста! — Даже Гарри не ожидал, что сорвется на крик, но боль во всем теле, туман в голове и душа, уставшая до предела, довели его терпение до края.

Сейчас ему нужно было лишь спокойно поспать, чтобы магия постепенно восстановилась, а не быть объектом, который переворачивают с боку на бок, как сосиску на гриле. Поэтому, когда Снегг, сжимая его горло, попытался залить зелье в рот, но в итоге вылил большую часть ему на шею, Гарри окончательно взорвался. Ему уже было плевать, услышит ли кто-то, он просто закричал на Снегга.

Из-за болезни крик вышел тихим, но вместе с гневом высвободилась и его неуправляемая магия.

Люстра вспыхнула, погасла, и из нее повалил черный дым. Все вещи в крошечном чулане взмыли в воздух, по комнате пронесся ураган, оставляя на стенах глубокие борозды. Лестница жалобно заскрипела, готовая рухнуть в любую секунду.

Выброс магии?

Снегг находился ближе всех, поэтому принял основной удар на себя. Но его выдающаяся боевая выучка сработала мгновенно: почти инстинктивно он направил палочку на ребенка и еще до того, как осознал происходящее, произнес заклинание: «Остолбеней!»

Хаос мгновенно прекратился, все вещи вернулись на свои места. Лестница, не выдержавшая такого напряжения, все-таки треснула, но Снегг, ожидавший подобного, успел увернуться, так что никто не пострадал.

Сидя среди обломков и глядя на потерявшего сознание мальчика, Снегг раздраженно подумал, что сегодня ночью этот ребенок точно не сможет здесь остаться.

http://bllate.org/book/41787/5337708